

проведение международного ландшафтного фестиваля «Город-сад», в рамках которого пройдут конкурсы на лучшее озеленение жилых дворов, городских общественных пространств, мастер-классы, семинары. Таким образом, для успешного развития региона важно сконцентрироваться на предложенных градостроительных приоритетах: улучшение качества городской среды, сохранение историко-культурного наследия; развитие пригородных зон областного центра и городов областного подчинения; внедрение современных подходов – разработка концепций «умных городов» (приоритет городам областного подчинения с ускоренным темпом социально-экономического развития (Барановичи, Пинск)), внедрение цифровых технологий, сервисов, функциональная трансформация городской среды; развитие инженерной и транспортной инфраструктур; развитие новых видов инфраструктур (индустриальных, логистических парков и т. д.); развитие экологического и туристского потенциала региона. При этом важно не потерять и учитывать масштаб и индивидуальность малых городов.

ПОИСКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ АРХИТЕКТУРЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1900-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.

С. С. Духанов

Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ)

Москва, Россия

E-mail: ssd613@ngs.ru

Рассматриваются поиски региональной специфики архитектуры в Западной Сибири в 1900-х – первой половине 1950-х гг., которые были основаны на изучении природно-климатических особенностей региона. Сторонники этого подхода стремились учесть природно-климатические факторы в объемно-планировочных и конструктивно-пластических решениях, чтобы добиться безаварийной эксплуатации зданий в суровых условиях Западной Сибири и украсить архитектурой невыразительную природную среду. Исследование основано на архивных источниках.

Ключевые слова: история архитектуры, региональная специфика, природно-климатические условия, Западная Сибирь.

Поиски региональной специфики архитектуры Западной Сибири, как правило, всегда связывались с поисками так называемого «сибирского стиля», которые, как показали исследования, оборвались к началу 1920-х гг. [18, с. 88–90; 28, с. 66–67]. Настоящая статья посвящена другому подходу. Как следует из архивных материалов и публикаций западносибирских архитекторов 1900–1950-х гг., в этот период развивался и второй, альтернативный первому подход, который не был связан с каким-либо стилем: поиски объемно-планировочных и конструктивно-пластических решений, которые обеспечивали безаварийную эксплуатацию зданий в суровых сибирских условиях.

До 1917 г. эти поиски наиболее активно шли в Томске, который в начале XX в., благодаря наличию ряда высших учебных заведений, был одним из важнейших центров архитектурно-художественной мысли Западной Сибири.

Во-первых, томские архитекторы активно изучали зодчество коренных народов Сибири и пытались переосмыслить его формы. Наиболее отвечающей условиям Сибири они считали зимнюю юрту, которая, в отличие от произведений «северного модерна» и «норвежского стиля», имела «чисто сибирские формы» [32, с. 2].

Этот принцип формообразования представлен в творчестве архитектора А. И. Лангера, главным образом в его постройках 1913–1916 гг. С одной стороны, Лангер стремился использовать подчеркнута крупные, монументальные формы, которые придавали его зданиям впечатление мощи и коренности, – они казались словно бы выросшими в землю. С другой стороны, уплощенные, округлые завершения зданий (шатров, куполов, фигурных парапетов) также вносили в его постройки характерные «юрточные» черты [20, с. 40].

С темой юрты в дореволюционной архитектуре Томска связаны объемно-пластические изменения проектов архитектора А. Д. Крячкова [19, с. 63; 20, с. 38, 41; 17, с. 1–2]. Первоначальный проект его собственного дома-особняка в 1909–1910 гг. был изменен им самим, а проект Дома науки имени П. И. Макушина в 1911–1912 гг. с согласия Крячкова изменили руководившие его строительством архитекторы А. И. Лангер и Т. Л. Фишель [17, с. 20–21]. В обоих случаях переработка проектов шла по пути укрупнения и обобщения всех элементов и форм, прежде всего, форм кровель. В результате оба здания остались без большей части мелкого декора и получили более цельный и спокойный силуэт. Новый купол Дома науки вызвал у современников ассоциации с юртой [32, с. 2] (рис. 1, 2).

Во-вторых, томские архитекторы постепенно нарабатывали конкретные конструктивно-пластические приемы: двухэтажные эркеры, лоджии и ниши, в которых «пряталось» декоративное убранство, «плоские» фасады, «вставки», использование каменных штукатурок и т. д.

Прием фигурных декоративных «вставок» активно применял архитектор К. К. Лыгин. Включение в кирпичную кладку крупных элементов («вставок») из местного желтого песчаника (перемычек, карнизов, обрамлений окон, балконов, пилястр) придавало постройкам Лыгина характерное, «пестрое», цветное решение [31, с. 20, 23, 36, 45, 48, 185; 18, с. 85–86]. Лыгин применял «вставки» осознанно – этим здания защищались от воздействия непогоды и сохранялись в отличном состоянии на долгие десятилетия [14, л. 104].

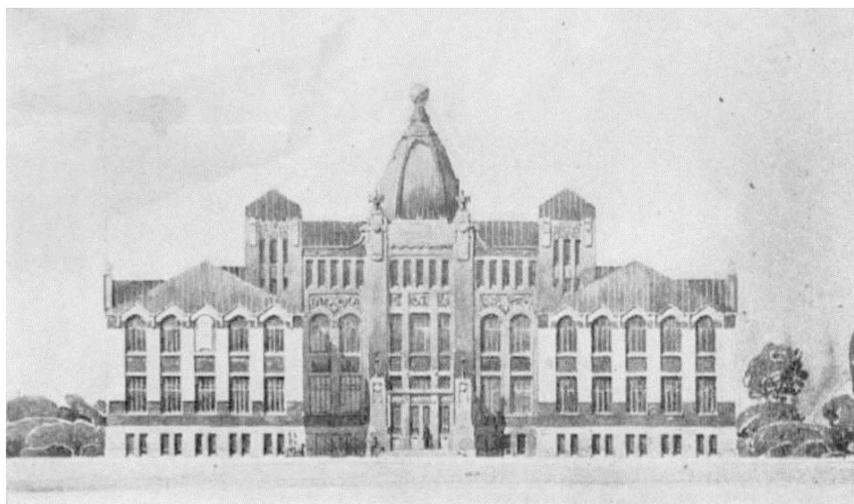

Рисунок 1 – Томск. Конкурсный проект Дома науки им. П. И. Макушина. Автор: арх. А. Д. Крячков, 1910 г. 1-я премия. [17, с. 2]

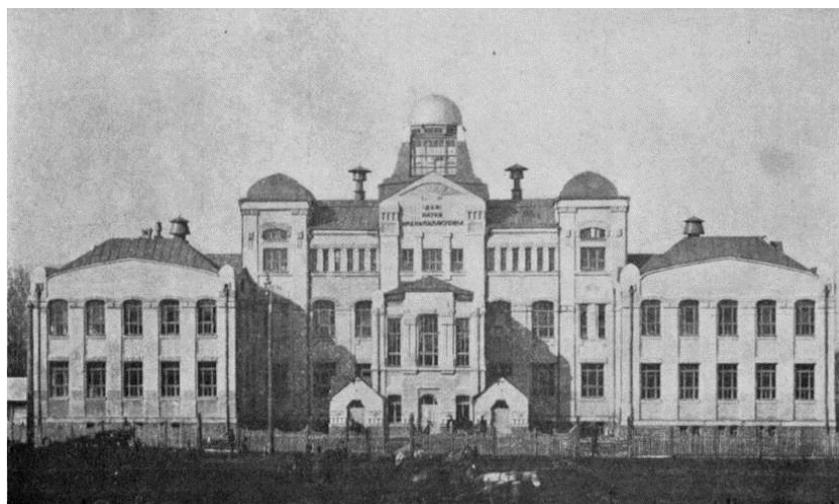

Рисунок 2 – Томск. Дом науки им. П. И. Макушина. Авторы: арх. А. Д. Крячков, А. И. Лангер, Т. Л. Фишель, 1910–1912 гг. Фотография 1912 г. [17, с. 1]

Архитектор В. Ф. Оржешко известен деревянными зданиями – доходными домами и особняками в «норвежском стиле» [19, с. 57–58, 62; 18, с. 89, л. 28, 36–37], которые отвечали сибирским условиям и функционально. Имели простые объемы и формы кровель. Большая часть бревенчатых стен оставлялась открытой, обшивка и покраска использовались локально. Лапидарный декор на основе наиболее простой, сквозной резьбы (фризы, карнизы, декоративные решетки во фронтонах и т. д.), был сосредоточен в верхней части зданий – под защитой больших свесов кровли. Изогранный силуэт ряда построек, например, так называемого «Дома с драконами», формировали плоские резные навершия на коньках кровель. Такие элементы были достаточно устойчивы к непогоде и со временем могли легко заменяться.

В 1920-е гг. поиски региональной специфики активно продолжались. В это время внимание местных архитекторов и инженеров все более сосредотачивалось на изучении особенностей функционирования зданий и их конструкций в условиях Западной Сибири и на проверке выявленных закономерностей в экспериментальных постройках.

Интересные идеи принадлежали архитектору А.Л. Шиловскому, который в 1920 г. возглавил секцию охраны памятников и старины Томского губернского отдела народного образования. Шиловский организовал всех лучших художников Томска и всего за один год (до своей кончины в мае 1921 г.) провел огромный объем работ по изучению старой архитектуры, «зарегистрировав почти все выдающиеся памятники» города [29, с. 209]. Шиловский подчеркивал конструктивный потенциал дерева: возможность больших выносов и нависающих балконов, тонких колонок, характерность углов, форм рубки и т.д. – «все это есть элементы архитектурной художественной красоты, из которых и складывается художественный образ». Шиловский одним из первых призвал к изучению «деревянных руин» и процесса трансформации деревянных построек в сибирских природно-климатических условиях. Важнейшим художественным потенциалом дерева он считал его способность меняться, приспосабливаясь к среде, что наиболее ярко проявлялось в суровых условиях Сибири. Указывая в связи с этим на то, что «деформация каменных форм вызвала к жизни некоторые художественные мотивы в каменной архитектуре» (разорванные фронтоны и т. д.), Шиловский спрашивал: «Кто поручится, что, изучая более серьезно деформацию деревянных руин, мы не скопируем с них новые художественные формы?» [33, с. 62].

Сегодня хорошо известен инженер Ю. В. Кондратюк, который в 1927–1930 гг. работал в проектно-конструкторском отделе «Хлебостроя» – управления элеваторного строительства по Сибирскому краю. Проектируя различные инженерные сооружения (элеваторы, амбары, мосты и т. п.) для Сибири, Кондратюк активно экспериментировал с традиционными для региона цельнорубленными конструкциями. Именно он разработал элеватор так называемого «сибирского типа»: бревенчатые, по типу русской избы, сооружения из круглого леса имели компактный объем, минимум металлических элементов и отличались долговечностью [30, с. 37–38; 7, л. 14, 17; 8, л. 2, 3, 7]. Яркий пример – механизированный амбар-зернохранилище цельнорубленного типа емкостью 10 тыс. пудов («Мастодонт»), сооруженный по проекту Кондратюка в 1930 г. в г. Камне. Огромное сооружение размерами 60×32 м (высота потолков – 18 м) использовалось по назначению свыше 60 лет и было утрачено лишь в 2000-е гг.

А. Д. Крячков в 1920–1931 гг. работал в составе комиссий, которые изучали так называемые «температурные аварии» новых гражданских и промышленных зданий в Томске, Новосибирске и городах Кузбасса [21, с. 267; 23, с. 4, 12, 16, 19]. Анализируя причины аварий, Крячков смог научно объяснить преимущества объемно-планировочных и конструктивно-пластических приемов, на которые томские архитекторы эмпирически вышли еще в дореволюционный период.

Крячков обратил внимание на парадоксальное явление: основная масса разрушений происходила не зимой, когда температуры опускались ниже 40 °С, а в переходные сезоны – ранней весной и поздней осенью. В это время в течение нескольких дней или даже суток температура неоднократно переходила через ноль градусов, а сами оттепели и заморозки сопровождались обильными осадками в виде снега и дождя [21, с. 266; 22, с. 1–2, 5, 9, 13–16, 26, 29–34; 23, с. 17, 28]. В этих условиях решающую роль играло увлажнение: влага повышала теплопроводность и заостряла неравномерность температурного воздействия на разные части здания. Весной и осенью замоченные наружные элементы и штукатурка промерзали

уже через несколько часов [21, с. 266; 23, с. 17]. Стала очевидна основная задача проектировщика в Сибири – архитектурными средствами смягчать воздействие неблагоприятных климатических факторов на здание, в частности, устранять условия для накопления атмосферных осадков.

Крячков рекомендовал укрупнять формы и конструкции, так как с уменьшением числа элементов и соединений будут уменьшаться и деформации. Материалы ограждающих и несущих конструкций должны иметь близкие коэффициенты температурного удлинения. Отсюда эффективность каменных штукатурок (известково-песчаных, известково-алебастровых и мраморных) – их коэффициенты были ближе к кирпичу, чем у штукатурок на основе цемента. У зданий должны быть простые формы планов и крыш, широкий корпус, подвалы и вентилируемые чердаки. Поскольку «на верхнюю часть здания температура оказывает большое влияние, а к низу здания, т. е. к фундаменту, температурные воздействия затухают», то в Сибири верхняя часть здания должна быть наиболее защищенной от непогоды – здесь необходимы карнизы с большим выносом. «Сухими» должны оставаться и фасады, которые следует делать уплощенными и решать на основе вертикальных членений. Отказ от использования активных горизонтальных выступов (наподобие балконных плит) устранял опасность накопления осадков – воды, снега и льда [23, с. 11, 16–17, 19–28; 2, с. 149].

Выявленные закономерности нашли отражение в постройках Крячкова 1925–1930 гг., которые, несмотря на разную стилистику, имели сходные объемно-пластические черты. Крячков отказался от глухих парапетов, балконов и других, опасных в условиях Сибири, «накопителей осадков». Пилястры, пояски, руст и уплощенные двухэтажные эркеры стали главными средствами пластической выразительности. Таковы несущие отпечаток модерна и неоклассики здания Сибревкома, Сибкрайсоюза и Текстильсиндиката в Новосибирске (1925–1927 гг.) и конструктивистские Дворец Труда в Щегловске (рис. 2), заводоуправление Кузнецкого металлургического комбината в Кузнецке, Госбанк и Запсибкрайисполком в Новосибирске (1927–1930 гг.) [4, л. 1; 6, л. 5–8; 3, л. 12об., 13; 27, л. 1, 50, 58, 65, 79].

Рисунок 2 – Кемерово (бывший Щегловск). Дворец Труда. Автор: арх. А. Д. Крячков, 1927 г. Фотография 1930-х гг. [27, л. 65 (фото 2)]

Идеи Крячкова разделяли архитекторы Сибстрина, Новосибирского и Томского отделений Всесоюзного архитектурно-научного общества (ВАНО), Краевого управления строительного контроля, проектных бюро Западносибирского строительного объединения и Крайкомхоза.

На рубеже 1920–1930-х гг. идеи «сибирской архитектуры» подверглись резкой критике молодых архитекторов-конструктивистов, работавших в проектных организациях крупных промышленных предприятий Западной Сибири. Наибольшей активностью выде-

лялась Сибирская группа Объединения современных архитекторов (ОСА) – архитекторы проектного отдела Кузбасстроя И. А. Лалевич, Б. А. Гордеев, С. П. Тургенев и др. Они стремились перенести акцент на вопрос стилистики и обвиняли своих противников в «крячковском стиле», «псевдо-ампирном стиле», «эклектизме» и т. п. [5, л. 114]. Однако, как следует из материалов полемики, стержнем борьбы был вопрос о региональной специфике архитектуры и допустимости применения в Сибири наиболее эффективных конструктивистских приемов и элементов. Сторонники «сибирской архитектуры» доказывали недопустимость расчлененных павильонных композиций, плоских кровель-террас, активных горизонтальных членений, прежде всего, балконов-галерей, световых фонарей, больших витражей и т. п. [16, л. 12; 1, с. 110], так как в условиях сибирского климата они становились инструментами саморазрушения зданий.

Сторонники «современной архитектуры» боролись за «новизну» архитектурной стилистики и «свободу действий архитектора» [5, л. 114об., 115; 16, л. 13], то есть за право игнорировать местные условия и накопленный опыт. Уверенные в универсальности принципов конструктивизма, они задействовали административный ресурс. В результате представители «сибирского направления» были вытеснены из практической деятельности, а их довольно значительные наработки остались в 1930-е гг. почти не востребованными. Что касается конструктивизма, то в Западной Сибири к середине 1930-х гг. он оказался дискредитирован не только официальной сменой направленности архитектуры, но, прежде всего, плачевным состоянием конструктивистских построек. Сибирская непогода уничтожала их наиболее эффективные элементы (фонари верхнего света, навесы на плоских кровлях) и непоправимо повреждала яркую цементную штукатурку уже в самые первые годы эксплуатации [16, л. 38, 50].

Поиски сибирской специфики возобновились лишь в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда чрезвычайные условия обусловили резкий разворот архитектурно-градостроительной деятельности в сторону активного учета и использования местного потенциала. Показательно, что именно во время войны, в 1944 г. А. Д. Крячков защитил свою диссертацию «Влияние климата и природы на строительство и архитектуру в Сибири», основной материал которой был собран еще в довоенный период [10, л. 5].

Большую роль в реабилитации идей «сибирской архитектуры» сыграла эвакуированная из Ленинграда в Новосибирск бригада Академии архитектуры СССР. Ее работники, архитекторы и инженеры А. И. Гегелло, В. Л. Гофман, В. Ф. Райлян и др. неоднократно призывали сибиряков изучать «то, что у вас под руками»: климатические условия и архитектурное наследие Сибири [9, л. 5]. В 1944 г. поиски самобытности сибирской архитектуры связывались большинством архитекторов не с разработкой особого «сибирского стиля», а «с использованием местных материалов, мотивов народного зодчества, учетом природных условий, накладывающих отпечаток на формы и образ сооружения» [11, л. 6 об.]. В послевоенное десятилетие (1946–1956 гг.) развитие идей «сибирской архитектуры» шло в этих внестилевых рамках по двум основным направлениям.

Активно развивалось направление, основоположником которого был старейший к тому времени сибирский архитектор А. Д. Крячков. Сторонники этого направления, архитекторы Б. А. Биткин, Н. С. Кузьмин, Н. Ф. Храненко и др., считали своей главной задачей обеспечить устойчивость здания к сибирской непогоде. Крячков сформулировал свой подход в 1947 г. следующим образом: как и природа Сибири, «сибирская архитектура должна быть простой, лаконичной и даже суровой» [12, л. 8]. Отсюда лаконичная пластика фасадов, компактные объемы, применение наиболее стойких каменных штукатурок серых оттенков и т. д. Принцип «соответствия» обеспечивал безаварийную эксплуатацию зданий и получил широкое признание среди местных проектировщиков. Таковы запроектированные в 1946–1947 гг. архитекторами А. Д. Крячковым и Н. Г. Васильевым в неоклассических формах корпуса Западносибирского филиала Академии наук СССР в Новосибирске [27, л. 24 (фото 3), л. 82 (фото 1–3)]. Аналогичный подход отражен в проекте жилого комплекса Томского политехнического института (арх. Н. Ф. Храненко, 1947–1952 гг.): простые крупные объемы, плоские фасады с вертикальными членениями, скупой декор [26, с. 6–13] (рис. 3).

Рисунок 3 – Томск. Проект нового горного корпуса Томского политехнического института (ТПИ). Авторы: арх. Н. Ф. Храненко, А. П. Мордвов, 1947–1948 гг. [26, с. 13]

Сторонники второго направления не соглашались с идеей «соответствия» и считали, что в Западной Сибири «суровость климата должна быть архитектурой оживлена», например, здания «должны быть решены в более жизнерадостных и оптимистических гаммах». Они критиковали долговечные каменные штукатурки и облицовку бетонной плиткой за серый цвет, который в условиях Сибири, где почти 8 месяцев в году доминируют черно-белые тона, оказывает «гнетущее впечатление» [12, л. 8, 12 об. – 13]. Оба подхода были связаны с разными уровнями архитектурной деятельности: сторонники первого были нацелены главным образом на проектирование отдельных зданий, сторонники второго – на формирование архитектурно-градостроительной среды.

Идея «оживления» природной среды архитектурой в наибольшей мере проявилась в работе тех проектных организаций, которые либо имели особый статус и доступ к качественным материалам, либо опирались на накопленный в предшествующие годы потенциал: застройку, благоустройство, питомники, оранжерейное хозяйство и т. д.

Так, в течение 1940–1950-х гг. городские отделы по делам архитектуры исторических городов Западной Сибири, Омска и Томска смогли сформировать в центрах своих городов ансамбли общегородского значения, но не из многоэтажных зданий, а на уровне предметной среды, непосредственно окружающей человека. Эти скверы и бульвары были хорошо благоустроены, имели разнообразные малые формы (фонтаны, торшеры и т. п.), озеленение и цветники [13, л. 184–185; 15, л. 54]. Созданная среда отличалась красочностью (красный гранит, чугунное литье) и обеспечивала благоприятные условия для пешеходов не только зимой, но и во время очень жаркого сибирского лета.

Сходный подход реализовали в своих рабочих поселках проектные организации ряда привилегированных предприятий. Здесь, кроме благоустройства, активную роль играли объемно-планировочные средства: курдонеры, подпорные стенки с фигурными парапетами, арки между зданиями и т. д. Особые условия финансирования позволили широко применять вечнозеленые хвойные породы и новейшие высокопрочные красочные составы. Пример такого подхода – рабочий поселок Новосибирского завода химических концентратов (НЗХК), запроектированный в первой половине 1950-х гг. под руководством архитектора А. С. Михайлова, последователя школы И. В. Жолтовского. Благодаря хлорвиниловой окраске зданий в желтые тона разной интенсивности была реализована актуальная для Западной Сибири идея Жолтовского о том, социалистический город «должен при помощи цвета создавать иллюзию солнечности даже осенью и зимой» [24, с. 43]. Компактные объемы зданий с гладкими фасадами и карнизами большого выноса (еще одна характерная черта школы Жолтовского) также соответствовали суровым условиям Западной Сибири (рис. 4).

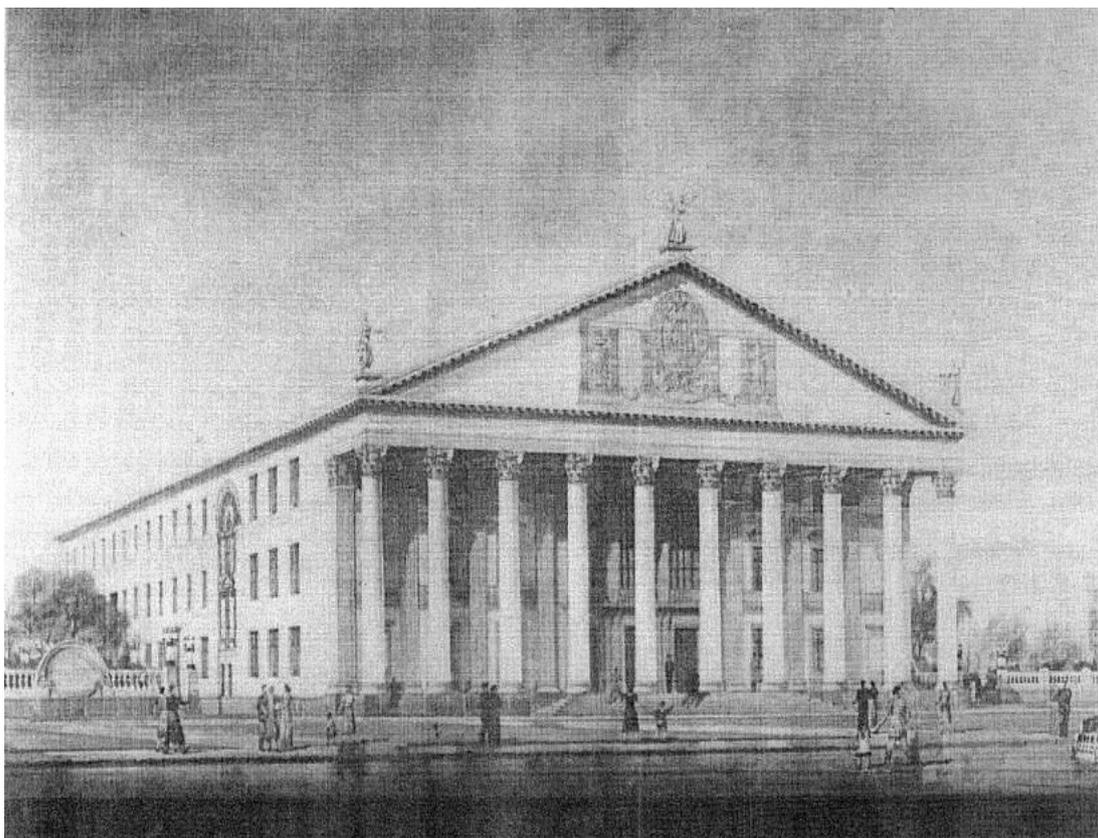

Рисунок 4 – Новосибирск. Проект Дворца культуры Новосибирского завода химических концентратов (НЗХК). Авторы: арх. А. С. Михайлов, П. М. Кузнецов, 1952 г. [25]

Таким образом, в отличие от поисков «сибирского стиля», рассмотренный выше подход не только «выжил», но и достаточно активно развивался в течение 1900-х – первой половины 1950-х гг. На наш взгляд этому способствовало следующее:

1. Во-первых, поиски «сибирской архитектуры» базировались на изучении объективных факторов (природно-климатических условий), которые в течение XX в. сохраняли свою актуальность и не претерпели существенных изменений. С одной стороны, это обеспечило преемственность и позволило накапливать опыт. С другой стороны, отсутствие стилевых рамок стало преимуществом в тот период, когда художественная направленность советской архитектуры непрерывно менялась – идеи «сибирской архитектуры» можно было воплощать в разных стилях.

2. Во-вторых, рост массового строительства в Западной Сибири, особенно активный в годы советской власти, неизбежно сопровождался снижением качества строительства, расходов на содержание зданий и т. д. Теперь ошибки проектировщиков (попытки тиражировать универсальные решения) уже не могли нивелироваться высокими затратами на постройку и эксплуатацию. В этих условиях актуальной стала архитектура, которая позволяла избегать таких затрат – то есть соответствовала суровым природно-климатическим условиям Западной Сибири функционально, на уровне объемно-планировочных и конструктивных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архитектурное отделение Сибирского (Томского) технологического института // Современная архитектура. – 1927. – № 3. – С. 110.
2. Баландин, С. Н. Сибирский архитектор: Документальный очерк / С. Н. Баландин, А. Д. Крячков. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. – 160 с.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. П-11796. – Оп. 1. – Д. 10.
4. ГАО. – Ф. П-11796. Оп. 3. Д. 278.
5. ГАО. – Ф. Р-47. – Оп. 1. – Д. 1206.

6. ГАНО. – Ф. Р-204. – Оп. 3. – Д. 178.
7. ГАНО. – Ф. Р-204. – Оп. 3. – Д. 480.
8. ГАНО. – Ф. Р-204. – Оп. 3. – Д. 626.
9. ГАНО. – Ф. Р-1444. – Оп. 1. – Д. 21.
10. ГАНО. – Ф. Р-1444. – Оп. 1. – Д. 27.
11. ГАНО. – Ф. Р-1444. – Оп. 1. – Д. 28.
12. ГАНО. – Ф. Р-1444. – Оп. 1. – Д. 53.
13. ГАНО. – Ф. Р-1444. – Оп. 1. – Д. 91.
14. ГАНО. – Ф. Р-1444. – Оп. 1. – Д. 92.
15. ГАНО. – Ф. Р-1444. – Оп. 1. – Д. 168.
16. ГАНО. – Ф. Р-2208. – Оп. 1. – Д. 9.
17. Дом науки имени Петра Ивановича Макушина в Томске: открыт 7-го октября 1912 года / Предисл.: П. И. Макушин. – Томск : Типография Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – 144 с.
18. Залесов, В. Г. Архитекторы Томска (XIX – начало XX века) / В. Г. Залесов. – Томск : Изд-во Томск. гос. архит.-строит. ун-та, 2004. – 170 с.
19. Залесов, В. Г. Национально-романтические тенденции архитектуры стран Северной Европы и их отражение в Томске / В. Г. Залесов // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2017. – № 6. – С. 50–67.
20. Залесов, В. Г., Новые тенденции в архитектуре и образовании в начале XX века: Дом науки им. П. И. Макушина в Томске / В. Г. Залесов, Г. М. Залесов // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2018. – № 6. – С. 33–45.
21. Крячков, А. Д. Бани и купальни. Проектирование. Расчет / А. Д. Крячков. – Томск : Кубуч, 1932. – 399 с.
22. Крячков А. Д. Влияние климата и природы на строительство и архитектуру в Сибири: Дис. ... д-ра архитектуры / А.Д. Крячков; Новосиб. инж.-строит. ин-т им. В. В. Куйбышева. – Новосибирск, 1944. – 306 с.
23. Крячков, А. Д. Влияние климата на строительство и архитектуру Сибири / А. Д. Крячков. – Новосибирск : Новосиб. инж.-строит. ин-т им. В. В. Куйбышева, 1951. – 28 с.
24. Мастера советской архитектуры об архитектуре. Избр. отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов: в 2-х т. / Под общ. ред. М. Г. Бархина [и др.]. – М. : Искусство, 1975. – Т. 1. – 544 с.
25. Михайлов, А. С. Личный архив.
26. Музей истории архитектуры Сибири (МИАС) им. С. Н. Баландина. Инв. № 700. Э-16. В-9. Зал 1.
27. МИАС им. С. Н. Баландина. ФК. Оп. 1.
28. Мысливцева, Г. Ю. Территория мечты: сборник трудов Г. Ю. Мысливцевой / Г. Ю. Мысливцева; сост.: Е. Дорохов [и др.]. – Омск : Омскбланкиздат, 2014. – 383 с.
29. Мягков, И. Художник-архитектор А. Л. Шиловский (Некролог) / И. Мягков // Труды Томского краевого музея. – Томск: Красное знамя, 1927. – Т. 1. – С. 208–210.
30. Романенко, Б. И. Юрий Васильевич Кондратюк / Б. И. Романенко. – М. : Знание, 1988. – 64 с.
31. Романова, Л. С. Творчество архитектора Константина Лыгина в Томске (по материалам фонда К. К. Лыгина в Томском областном краеведческом музее) / Л. С. Романова; Том. обл. краевед. музей. – Томск : Д-Принт, 2004. – 193 с.
32. Сибирский стиль или орнамент? // Сибирская жизнь. – 1912. – 5 января. – № 4. – С. 2.
33. Шиловский, А. Л. Деревянная архитектура г. Томска (Посмертная статья) / А. Л. Шиловский // Труды Томского краевого музея. – Томск : Красное знамя, 1927. – Т. 1. – С. 57–64.